

Фрагмент из романа

Tamara Bach
Was vom Sommer übrig ist

Carlsen Verlag, Hamburg 2012
ISBN 978-3-551-58242-3
с. 65 - 80
с 14 лет

Тамара Бах
Что осталось от лета

Перевели с немецкого участники семинара
молодых переводчиков под руководством
Марины Кореневой
(Гете-Институт в Санкт-Петербурге):

Анна Баренкова
Альбина Бояркина
Евгения Гаврилова
Ия Константинова
Вероника Кричевская
Екатерина Ошарина
Наталия Прохорова
Юлия Самуленок
Елена Смолоногина
Виталий Серов
Полина Черниговская

Провал

Вечно попадается какой-нибудь один дурацкий вопрос, прямо как тогда на диктантах, в начальной школе. Бывало, сдам работу, выйду из класса и уже знаю, какое слово написала неправильно, и начинаю всех переспрашивать, потому что чувствую, в том слове наверняка ошиблась. И так оно и оказывалось. И вот я выхожу с экзамена и думаю... как там было в этом дурацком вопросе... ведь там же... Тут выходит еще один из нашей группы и садится на ступеньки, я никогда с ним раньше не разговаривала, но сейчас обращаюсь к нему, спрашиваю, не помнит ли он, как там было, а он в ответ:

- Нее, без понятия.

И закуривает. А та, что выходит следом, ей сразу же и вождение сдавать, её лучше не трогать. Вон какая, вышла и говорит:

- Даже если не сдала, то хоть время свободное будет, шеф отпустил меня до двух.

Мне тоже хочется сказать что-нибудь такое, типа, у меня тоже есть шеф, но они ведь всё равно держат меня за круглую дуру, я же вижу. Ну и ладно, я и сама с ними особо не общаюсь, с чего им вдруг теперь мне сочувствовать. Итак, ждём. Остальные курят. Я не курю, потому что не курю. И вот уже конец, все отстрелялись.

Проверять работы вообще-то несложно. Они просто кладут рядом правильные ответы, сверяют и ставят галочки, и всё. А нас всего-то ... тринадцать человек, ой, тринадцать - нехорошее число. Значит, тринадцать человек, а вот и Керер вышел, стоит и смотрит на нас, и та, которой сразу сдавать вождение, говорит, или даже выкрикивает:

- НУ КАК?

Он кивает ей и говорит, мол, давай, готовься.

- К сожалению, в этот раз сдали опять не все, - говорит он, и я думаю, уж я-то сдала. А то было бы смешно. Я же знаю, сколько можно сделать ошибок, и даже если с тем вопросом я напутала, то всё равно прохожу.

Тут он подходит ко мне и говорит:

- Что же ты, дорогуша, с этим тормозным путём... - Я думаю, при чём тут тормозной путь? Чего он вдруг к нему прицепился? И он задаёт мне вопрос, я на него отвечаю: - Ну вот, ведь все знаешь! - говорит он, - Переволновалась, наверное, да?

Я не понимаю, о чем он.

А он говорит, ну что ж, тогда в следующий раз, через две недели.

Что через две недели?

Экзамен.

Какой экзамен? Вождение? Через две недели?

Но по тому, как он на меня смотрит, я понимаю, ни фиги, теория.

Я. Не. Сдала.

Я не сдала и смотрю на часы, пойду-ка я лучше на работу. Пересдача через две недели. Я не сдала.

А потом я стою перед булочной, потом стою в этой самой булочной, тут дикая жара.

Один вентилятор на прилавке, другой - сзади в подсобке, оба гоняют тёплый воздух, но толку никакого. И Ангела говорит:

- Кстати, шеф только что заходил. Ну как? Сдала?

- А чего ему надо было?

- Кому?

- Да шефу! Чего ему надо было?

- Забыл чего-то. Ну, рассказывай, как всё прошло? Трудно было? Я вообще, когда сдавала, чуть не сдохла. Но у меня всегда с экзаменами не очень, - говорит Ангела. И обмахивается рукой. - Такое ощущение, что стало еще жарче.

- На завтра вообще тридцать девять обещали, - говорю я.

- Это уже что-то запредельное. В такую погоду нужно официально всех домой отпускать!

Ангела смотрит в окно.

- И когда у тебя вождение? – неожиданно спрашивает она.

Я пожимаю плечами.

- Успеешь сдать на каникулах?

- Я ведь ещё никогда не проваливалась. У нас там кофе остался?

Я иду в подсобку. С недавних пор мы ставим кофе в холодильник и пьем его с холодным молоком: полчашки кофе, полчашки молока и кубик льда.

Я возвращаюсь к Ангеле. Там стоит покупатель, потом заходит ещё один, и понеслось, дело к обеду, скоро будет вообще не продохнуть.

Я ещё никогда не проваливалась. Я ещё никогда не получала двойку. Мне только один раз в жизни поставили тройку, и то потому, что я болела перед этим. Я соображаю в математике, я могу запомнить любые даты, я могу запомнить всё, что мне кажется важным и нужным: формулы, стихи, имена, иностранные слова. Я ещё никогда не проваливалась. Но ведь он же сказал, что я провалилась, а может, он все-таки перепутал, может, он не меня имел в виду.

Ерунда какая-то. Я не из тех, кто заваливает экзамены. И багеты кончились.

- А привезут ещё? - спрашивает покупательница, у нее сегодня гости. Я звоню шефу, и он говорит «да», потом говорит «нет», потом:

- Ну... Сколько ей надо-то?

- Десять.

- Ладно, сделаем, пусть подойдет к четырём, а как твой экзамен? Сложно было?

Совсем несложно. У меня бывали экзамены и посложнее. Я сдавала тесты по латыни, это гораздо сложнее.

А тут нужно было просто выбрать правильный ответ!

Ну как я могла не сдать? Я же не дура. Я учила! Я выпалась! Я поела! Я не принимаю наркотики, я даже не курю!

- Я не сдала, - говорю я в итоге, вешаю трубку и обращаюсь к покупательнице: - Что для вас?

- Да ты что, Луиза! Не сдала? – ахает Ангела.

Я отмахиваюсь и продолжаю смотреть на покупательницу:

- Слушаю вас.

- Бедняга, не сдала?! - раздается в ответ.

- Она сегодня сдавала теорию в автошколе, - объясняет Ангела, вместо того, чтобы обслуживать своего клиента.

- Подумаешь! Мой сын все экзамены по три раза сдавал! Только с третьей попытки у него получалось!

Да, но твой сын, наверняка, debil, а ты этого не видишь, потому что любишь его. По мне, так пусть твой сынок хоть по сто раз все проваливает. Я! НЕ! ПРОВАЛИВАЮСЬ! НА! ЭКЗАМЕНАХ!

- Всё будет хорошо! - говорит Ангела, а тетка:

- Каждый экзамен! По три раза!

Я тяжело вздыхаю: жарко, да и вообще... Смотрю мимо женщины на других покупателей, которые слышали, что я, милая продавщица, гимназистка, подрабатывающая здесь на каникулах, тоже совершаю ошибки. И тут в самом конце очереди я вижу Констанце.

Интенсивная. Терапия

Сегодня по радио обсуждали, где лучше всего спастись от солнца. В кино, в супермаркете, в музее и так далее. Потому что опять жара, да не просто жара, а настоящее пекло. Мама опустила жалюзи во всех комнатах, а мне даже запретила открывать окна, чтобы с улицы не шел горячий воздух.

И все равно жарко.

В саду вообще ужас. Наши деревья деревьями-то не назовешь, они еще слишком маленькие. А сосед обрезал свои в прошлом году. И ни ветерка. И хотя так жарко или, наоборот, потому что так жарко я иду гулять. В шляпе. В большой соломенной шляпе с такими широкими полями, что кажется, будто я тащу огромный пляжный зонтик.

В киоске я покупаю бутылку лимонада, но ее хватает ровно на один квартал. Вечно я напузыриваюсь до дури в такую жару. Короче, я иду в супермаркет и покупаю большую бутылку воды. А сумки-то у меня нет, здорово.

И вот я стою перед кассой и думаю, не купить ли мне еще жвачки, эдакий кондиционерчик во рту, только надо понять, какая жвачка холоднее на вкус.

Наверняка, вон та, в голубой упаковке. Любая с мятой.

Но тут подходит моя очередь в кассу, а жвачку я так и не выбрала, и я плачу только за воду, разворачиваюсь и запихиваю сдачу в задний карман. И ровно в этот момент меня кто-то окликает, потому что у другой кассы стоит Миа, то ли с кем-то, то ли одна, секунда и она уже оказывается рядом, а я все еще копаюсь и не успеваю смыться.

И вот она стоит такая и печально смотрит на меня, хотя она ведь мне даже не подруга, она просто со мной в одном классе. Тоже мне. А все почему? Да потому что она по уши влюбилась в Тома, а потом он взял и

прыгнул-упал с моста. И еще потому что Том когда-то перекинулся с ней тремя фразами.

Что-то типа: «Не знаешь, когда будет автобус?» или «А Штайнке еще болеет?» или «Яна ведь в твоём классе? Можешь передать ей вот это?» Он же никогда не говорил ей: «Слушай, Миа, ты такая классная, хочешь стать моей подружкой?» или «Миа, я только сегодня по-настоящему увидел тебя! Как я мог жить на свете, не замечая тебя и твоей красоты? Отныне каждый день, проведенный без тебя, станет мне пыткой» и даже не говорил «Целоваться-то будем?»

Даже такого не говорил.

Сейчас она разревется. Два слова, и она заревет.

- Привет! – говорит Миа.

- А, это ты? – говорю я.

- Ну, как твои дела? – спрашивает она. И не как обычно люди спрашивают: «Как дела?» - а именно «Как ТВОИ дела?», с ударением на ТВОИ.

Потому что ОНА-то страдает.

- Хорошо. А у тебя?

Она отводит глаза. Вздыхает как-то слишком глубоко.

Потом смотрит на меня, прямо в глаза.

- Не очень. Я завела страничку в Интернете. Для нас с Томом. Чтобы как-то с этим справиться. Вот.

Пауза.

- Как... он там?

Я пожимаю плечами.

Сама Миа, кстати, в больницу не ходит. Говорит, что она этого не перенесет.

- Я сейчас иду к нему. Не хочешь со мной? – опрометчиво говорю я, а про себя думаю: «Черт, а вдруг она и впрямь увяжется».

Но Миа, к счастью, говорит, что она пока еще не может, что ей нужно еще собраться с силами.

Ну-ну.

Ладно, тогда я пойду.

- Я пришлю тебе ссылку, - говорит она, я отвечаю: - Пока, - и даже не понимаю, о чем она там.

И чтобы не получилось, что я соврала, я действительно иду в больницу. К тому же больница – как раз такое место, где не жарко, и даже вполне сносно, по крайней мере, что касается температуры.

Том лежит в палате не один. Они сказали, что, возможно, даже и лучше, если он в таком состоянии (в ЕГО СОСТОЯНИИ) будет лежать не один. На соседней койке лежит такой же больной, только лежит он здесь гораздо дольше Тома. Так долго, что вся стена у его кровати увешена картинками и открытками, и MP3-плеер с наушниками имеется, и повсюду разложены разные вещи, чтобы он смотрел и вспоминал.

Он тоже спрыгнул. Или упал. С пятого этажа и грохнулся на землю. И вот теперь тут.

А сегодня у него опять эта, которая часто приходит. У нее вишнево-красные губы и черные волосы, похожа на Белоснежку – такая красивая, очень по-зимнему выглядит. И опять она держит его за руку и ничего не говорит. Сидит рядом с ним, один наушник вставила себе в ухо, второй – ему. Мне ничего не слышно, так тихо играет. Она смотрит на него, иногда у нее на лице мелькает улыбка, но быстро исчезает, быстрее, чем я

успеваю посмотреть. Вот так она все и сидит, держит его за руку, два наушника, одна песня на двоих и провод между ними.

И так как я не хочу на них особо пялиться, я просто киваю, заходя в палату, и тихо здороваюсь.

Здесь всегда тишина, если только не приходят мама с папой, которые, наоборот, говорят слишком громко. Будто Том глухой. Кричат, как раньше, когда он не хотел идти в школу, и они по утрам тормозили-будили его. Тут уж хочешь не хочешь, а встанешь.

А теперь можно спокойно лежать, тем более, сейчас каникулы.

Я открываю бутылку с водой, как можно тише. Медленно-медленно поворачиваю крышку, слышится шипение, и вода попадает мне на руку, но я делаю все так медленно, что вода не брызжет, а только шипит, такая свежая, прохладная, и мне еще сильнее хочется пить.

В этот раз я даже не посмотрела на картинку, которая висит тут у дверей, когда заходишь на отделение. Сначала я решила, что это просто детский рисунок, а потом подумала, что для детского он слишком хорош, хотя и напоминает обычные каракули, начириканные черным фломастером на бумаге. Папа однажды тоже увидел эту картину, покачал головой и сказал: «Как им не стыдно?» Но он так никого и не спросил, как им не стыдно было повесить тут картину с долговязым типом на старой кляче и толстым коротышкой в шляпе на бегемотоподобном белкозайце, то есть, видимо, на осле. А еще и неподвижные кресты. Ветряные мельницы.

И тут уж не скажешь - искусство, мол, потому что папа покачал головой и сказал: «Как им не стыдно».

Теперь я всегда смотрю на нее, проходя мимо, и вспоминаю, как папа покачал головой.

Только сегодня не посмотрела.

Я пью и закрываю бутылку, крепко прижимаю ее обеими руками к животу, к груди – мои полтора литра прохлады.

А эта...вот ведь сидит и сидит.

Потом я поддвигаю стул ближе и смотрю на Тома. У него совсем сухие губы, на них вон что-то белое, и ведь никто не вытрет. А сам он слизнуть не может. Сказать бы ему:

- Эй, Том, у тебя там что-то на губе, чтобы он открыл глаза и спросил: «Где?»»

Забавно, что люди всегда вытирают сначала не с той стороны, и только потом с нужной, а когда им говоришь, что уже все, они всегда еще раз вытирают, на всякий случай.

Теперь Белоснежке меня не видно, когда я вот так наклоняюсь к Тому.

- Том, у тебя там что-то на губе, - говорю я. А он не вытирает рот и не спрашивает: «Где?», - не облизывает с неправильной стороны и не вытирает еще раз на всякий случай.

Еще и в уголке глаза у него присохла какая-то дрянь. Ночная пыль. Крупинки сна.

Я их убираю. Очень осторожно. Потом выуживаю из кармана гигиеническую помаду и мажу ему губы, чтобы не трескались. Сам-то он ничего не замечает. Ну, не страшно. Готово. Потом мне становится смешно – я вспоминаю про Мию и думаю, что Том наверняка повеселился бы, что он, наверное, посмеялся бы и меня бы посмешил, как в детстве. А может, он разозлился бы, например, на Мию, и сказал бы: «Что она себе воображает, эта курица безмозглая!» А может быть, Том вовсе и не стал бы говорить таких слов, как «курица» или «безмозглая», и тому подобное, может быть, он разозлился бы на меня, потому что ничего не имеет против Мии, потому что ему даже нравится, что она так переживает

из-за него, может, он считает, что и нечего тут ржать и что я сама курица безмозглая и вообще сволочь последняя.

О чем бы таком еще подумать? У тех двоих есть хотя бы какие-то песни, наушники и провод между ними.

И раз уж мне совсем-совсем не о чем подумать, и я не знаю, что можно было бы сейчас сказать или сделать, раз уж я не знаю, стал бы Том смеяться над Мией или нет, то я быстро-быстро уйду. Как можно скорее. И я злюсь на него за то, что он, может быть, недоволен тем, что я считаю Мию противной, глупой и приставучей, что мне хочется прибить эту Мию, она ведь вообще не знает Тома. Но я его тоже не знаю, и я иду, выхожу, а картинка висит всего на одном крючочке, и теперь папа, по крайней мере, уже не будет качать головой, когда придет в следующий раз.

Как все началось,

теперь, наверное, уже и не вспомнить, зато когда именно, это я точно помню, потому что я еще удивлялась, потому что это было перед самыми каникулами. В такие дни все уже немного расслабленные, потому что учителя больше не устраивают неожиданных контрольных, потому что нет домашних заданий, потому что остается только отсидеть несколько уроков, и по домам, потому что впереди праздники, потому что предпасхальный карнавал. Вообще-то, все было как обычно, как и весь год он сидел рядом со мной, потому что мы еще летом договорились, на каникулах, что будем сидеть вместе. Потому что мы были друзьями, потому что я хотела помочь ему с учебой, чтобы он опять не остался на второй год. Поэтому он сел со мной, а я уступила ему свое место у окна, потому что Констанце и Янина хотели сидеть от него подальше. Так все и шло несколько месяцев, и шло хорошо, он как-то справлялся, я объясняла ему математику, мы дружили, он иногда меня отвлекал, но это можно было пережить. И никакая любовь тут ни при чем, ни с чьей стороны, чтобы можно было сказать, будто все из-за сердечных переживаний, гордости или упрямства, мести или несбывшихся надежд или вроде того, просто все вдруг как-то резко изменилось. Я еще подумала, может, у него с подружкой что не так или там с родителями, поэтому он в тот день пришел и не поздоровался со мной. Подумала, что у него плохое настроение, я вроде даже как-то пошутила, может, все и началось из-за той шутки, а может и нет. И вот, именно тогда в первый раз Пауль сказал такое... Как под дых ударил. Я, конечно, знала, что он на это способен. Только со мной он себе подобного не позволял. И на тебе. И сидящие впереди это услышали, и позади нас тоже – и Констанце, и Янина. И оттого, что все его немного побаивались, они все как-то притихли, пока кто-то не засмеялся первым.

Можно, конечно, теперь говорить, что мне надо было сразу что-нибудь ответить ему, типа: «ЧТО-ТЫ-СЕБЕ-ПОЗВОЛЯЕШЬ» или «НУ-ТЫ-ПОЛЕГЧЕ». И если бы это была одна из тех историй, из которых мы

выходим, чуть поумнев и повзрослев, то кто-нибудь вступился бы за меня, проявил бы смелость, сказал бы ему: «Ты думай, что говоришь и кому». Но они все слабаки. Уж такой у нас класс. Когда надо, боятся и слово сказать, если кто и высказывался, так это я. А я промолчала. Но стоит один раз такое спустить, решив, что ладно, за каникулы все рассосется, то, ясное дело, тебя будут тюкать и дальше. А потом к словам добавляются еще и пинки под партой. И кола, которую он специально-нечаянно проливает мне в сумку. И скоро все уже готовы посмеяться над тобой в любой момент. И вдруг все резко меняется. Ты думаешь, да ерунда, все наладится. И учитель говорит: «Луиза, Пауль, прекратите!» - когда ты даешь сдачи под партой. И никто не станет разбираться, ни этот учитель, ни следующий. Если та парочка в третьем ряду вечно безобразничает на уроке, то нужно обратить на них внимание, как-то вмешаться, сделать замечание, и достаточно. Можно переходить к новой теме. А он по-прежнему хочет, чтобы я ему помогала с математикой, только спасибо больше не говорит. И шепчет на весь класс, шепчет так, чтобы все слышали: «Дура, но полезная».

А когда его нет, потому что он болеет или просто прогуливает, все сразу замечают, что без него как-то пусто, и начинают гадать, скоро ли он опять появится, может, прямо сейчас возьмет, да и придет, а то ведь им смотреть не на кого. Но поскольку он так и не появляется, они опять смотрят на меня. И видят, что есть еще Луиза. А не только Пауль.

Тебя еще продолжают приглашать на вечеринки, но в какой-то момент никуда уже не хочется идти, лучше книжку почитать или фильм посмотреть, или позаниматься. Только Констанце не смеялась вместе со всеми. А Янина, да что с нее взять, на нее вообще никогда нельзя было положиться. Что бы он ни говорил и как бы меня не пихал, Констанце никак не реагировала и молчала, даже когда все остальные уже хохотали.

Вот так все и шло. Бывали спокойные дни, бывали жуткие дни. И настал такой день, когда я села не на свое обычное место, а за последнюю

парту. А если ты пересела, это не просто твое решение. Это настырный Пауль прогнал Луизу. Все это видели, никуда не денешься, а один учитель решил, что у нас тут обычные подростковые страсти-мордасти, но разбираться не стал, потому что нет никаких оснований считать это нарушением дисциплины. И я осталась сидеть там, и через какое-то время на меня уже перестали оборачиваться. Констанце пересела на ряд вперед. Янина тоже. Никто не звал меня обратно. Я больше не помогала ему с математикой, он и без меня справился. Уж как – не знаю.

Однажды я все-таки пошла на вечеринку. И там был он, и другие из нашего класса тоже были. Я танцевала, пока у меня спина не заболела и ноги, и тут увидела, что Пауль и Констанце нашли укромное местечко, лежат и обнимаются. При том, что у нее был друг, а у него – подруга. Но это ничего не значит, хотя как сказать. А в понедельник все только и говорили о том, что я целовалась с парнем из параллельного класса. И никого не волновало, что там было у Констанце с Паулем.

И в какой-то момент ты остаешься в полном одиночестве. Если раньше любая вечеринка, на которую попадаешь, казалась тебе классной, то теперь все по-другому, и после школы не звонит телефон, и выходные свободны, и на перемене можно почитать книжку. Времени много, и никому до тебя нет дела. Хотя это не так уж и плохо.

Это можно пережить.